

К 75-летию начала
Великой
Отечественной войны

*Теннадий
Паушкин*
(1921–2007)

178

**Добрый путь вам,
мой земляки!..**

Апрель

В садах пьянящий аромат,
Летит на цвет пчела,
Как стража аисты стоят
Над крышами села.
И солнце льёт тепло и свет,
Не зная про войну.
Как снег, апрельский первоцвет
Ложится в целину.
Мадьяр старинною сохой
Взрыхляет полосу,
И граб курчавою листвою
Качает звон в лесу.
В тот час я молча вспоминал
О юности своей,
О тех краях, где подрастал
В сиянье вольных дней.
О нивах наших и лесах...
Я вспоминал, как сон,
И тихо плыл в моих глазах
Высокий небосклон.
Я в давность милую ушёл
И целый мир забыл.
Твоих волос волнистый шёлк
Я тихо тербил.
И нежно ты моих ресниц
Касалась рукой.
Разноголосый щебет птиц
Висел над головой.
Мы долгу ратному верны,
Но счастьем назови,
Что мы украли у войны
Короткий миг любви.

Твоя карточка

Мы ночью плыли через Дон,
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон –
И думалось: «Конец!..»

Но вот уж берег недалёк,
И, сколько было сил,
В последний я вложил рывок
И смерть опередил.

Как жизни, рад я был костру,
Продрогший до костей,
И, согреваясь, вспомнил вдруг
О карточке твоей.

Её носил у сердца я,
Куда б ни шёл, – с собой.
И чудо: карточка твоя
Была совсем сухой.

Гляжу – и снова узнаю
Родной овал лица...
Вот так бы ты любовь свою
Хранила до конца.

Северный Кавказ, 1942

На Родину

Летят, летят во все концы
Весны пернатые гонцы,
За караваном – караваны,
За стаей – птичья стая,
Из стран чужих, из дальних стран
Летят к родному краю.
Им снова петь и гнёзда вить,
И тополиный пух ловить,
И ключевую воду пить
Из родников прохладных.
Да, лето красное пожить
На родине отрадно.

* * *

Осень шла по распахнутым вёрстам.
Отлетала листва с тополей.
Укачало холодным норд-остом
Запоздалый косяк журавлей.
Трудный путь в ветровом бездорожье
Пробивали крылом вожаки.
– Серокрылые, вы не с Поволжья?
Добрый путь вам, мои земляки!..

95 лет со дня рождения

Поэт, прозаик, переводчик, журналист Геннадий Александрович Паушкин родился 28 февраля 1921 года в Казани. В 1939 году поступил учиться в Казанский университет. Будущий писатель проучился всего два месяца и к зиме собрался добровольцем на финский фронт, но волей судьбы оказался на погранзаставе в Молдавии.

22 июня 1941 года застава на реке Прут под Кагулом, где служил радист Паушкин, приняла бой с дивизией фашистской Румынии. От всей заставы в живых остались только её командир, лейтенант Кузьма Ветчинкин и радист, сержант Геннадий Паушкин. Впоследствии старшина Паушкин с боями прошёл по степям Украины, Кубани, защищал Сухуми, участвовал в разгроме альпийской дивизии «Эдельвейс», за что был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями. Тетрадка его с 80-ю рукописными стихотворениями и одной позмой была найдена в старом окопе Одессы. Но это отдельная история, о которой мы, вероятно, расскажем позже.

После войны фронтовик продолжил учёбу, работал в редакции газеты «Комсомолец Татарии», собкором «Комсомольской правды», а также литконсультантом Союза писателей РТ.

Первые стихотворения Паушкина публиковались во фронтовых газетах, а после войны он впервые напечатался в газете «Комсомолец Татарии». Это было стихотворение «Тополь», которое вызвало резкую критику в «Красной Татарии» за безыдейность. И высокую оценку известного поэта-песенника Михаила Исаковского.

Писатель-фронтовик Паушкин создал цикл автобиографических произведений в прозе («Эшелон», «На Кагульской заставе», «Прорыв», «Слушай мои поэмы...»), по которым можно изучать ход событий Великой Отечественной; перевёл с татарского на русский романы А. Расиха «Ямашев», «Лунные ночи», а также стихи Х. Туфана.

Тополь

Я тогда никому не сказал
По мальчишеской гордой привычке,
Что люблю голубые глаза
И смешные её косички.

Тополь рос на соседнем дворе,
Чтоб она мою грусть разгадала,
Я на белой его коре
Её вырезал инициалы...

Не намерить военных дорог.
Я солдатом прошёл пол-Европы,
Всё никак позабыть не мог
Нашим детством отмеченный тополь.

Потому, возвратившись назад,
Где не тронутый временем рос он,
Встретил я голубые глаза
И красивые девичьи косы.

1945

Возвращение

Здравствуй, земля родная.
Видишь, солдат живой!
Снова у волн Дуная
Встретились мы с тобой.

Больше б не расставаться
Нам с тобой на веку.
Буйно цветут акации
Белые, точно в снегу.

Как я давно здесь не был, –
Сердце моё, скажи!
Сыплются звонко с неба
Взбалмошные стрижи.

Кланяются берёзы,
Встретившись с земляком.
Мать утирает слёзы
С детства знакомым платком.

1945

* * *

Ещё светло,
 А солнце закатилось.
 Заря с зарёй
 Встречаются в ночи.
 Твой день прошёл:
 Смени же гнев на милость,
 Наедине с собою помолчи.
 Кому – подъём,
 тревога,
 мне – отбой,
 а я солдат
 и не прошу отсрочки.
 Мы входим в жизнь
 оружью гурьбой,
 Выходим из неё
 поодиночке.

1945

О «попытке портрета»

письмо Геннадию Паушкину

Дорогой Геннадий Александрович!

С 95-летием со дня Вашего рождения на Земле!

Но скажу откровенно, в прошлом году, накануне 70-летия Великой Победы больно было читать в февральском номере одного из республиканских журналов статью Владимира Лавришко «Геннадий Паушкин: попытка портрета». В ней говорилось о Вас, писателе-фронтовике, и о том, что во время войны «Паушкин был радистом на стационарной «эрбушке», всегда вблизи начальства».

Спрашивается, вблизи какого начальства всегда был радист-пограничник Геннадий Паушкин? Вблизи того самого начальника заставы, будущего Героя Советского Союза, лейтенанта Кузьмы Ветчинкина, к которому на Кагульской заставе в бою 22 июня 1941 года на берегу реки Прут радист Паушкин, поражая неприятеля, прорвался из окружения и с которым вдвоём из всей заставы остался в живых?

При этом реку Прут, на берегу которой Вы начали войну, автор статьи называет рекой Буг. А это ведь, сами знаете, две большие разницы, как говорят в Одессе. Одна река на границе Советского Союза с Румынией, другая – с Польшей. На одной, где Вы служили, был принят первый бой с Королевской дивизией Румынии, на другой – с немецким вермахтом.

В вину Вам вменяется и то, что Паушкин «не выбрасывался, подобно другому писателю-фронтовику Юрию Белостоцкому, из горящего пикирующего бомбардировщика с парашютом... не приземлялся в другой раз с мёртвым стрелком-радистом за спиной...» Да, к тому же Вы и амбразуру дзота, как Александр Матросов, своим телом не накрывали. И что теперь, раз не летали на бомбардировщике и не атаковали вражеское укрепление у деревни Чернушки, а лишь выполняли свой

долг, защищая заставу в первый день войны под Кагулом, – это умаляет Ваше воинское достоинство?

Впрочем, спасибо г-ну Лавришко – он ведь тут же свидетельствует всё-таки: «...воевал Паушкин не в песенном ансамбле».

Оскорбительная фраза «всегда вблизи начальства» у члена писательского союза Лавришко далеко не случайна. В другом абзаце она преподнесена чуть в иной форме, но не в иной сути. Притом эта фраза вписана в словеса про жизненную философию целого поколения, которому к началу войны было 19–20 самых мобилизационных лет. Посудите сами:

«Геннадий Паушкин, как миллионы его однолеток, был сурово обучен войной тактике и стратегии выживания...»

«...» Война, на которой убивают, научила его не высовываться «из окопа» без лишней надобности, быть как все, но поближе к начальству. И гнуться вместе с линией партии, в которую он вступил на фронте. И он улыбался и гнулся...»

Кстати, в армии, помнится, бытует поговорка: «Подальше от начальства, поближе к кухне». Да и Вы, фронтовик, не раз её повторяли. Или кто-то из мужиков не слыхивал это? Или просто в армии не служил?

В «попытке к портрету» ярко живописуется образ писателя, которому «нужно было обладать недюжинным талантом лавирования» в послевоенной жизни. Да и во время войны, по заверениям г-на Лавришко, писатель-фронтовик был себе на уме.

Удивляет уверенный, напористый язык «портретиста», будто сам он в 1941-м служил на Кагульской заставе и всё видел собственными глазами, хотя на момент начала войны он не то что пешком под стол ещё не ходил, но и на белом свете его вообще не было.

Припомнилось писателю-фронтовику, руководившему после войны, уже в наши мирные годы, русской секцией Союза писателей республики, и то, что он на шумных посиделках литобъединения «прихлёбывал из бокала чай. А то и пиво». С Вашего позволения, Геннадий Александрович, совершенно крамольное припомню: в те годы, случалось, не только Вы, но и мы, литературный молодняк, прихлёбывали из бокалов. И не только пиво.

Удалось ли сие портретирование – не знаю. Только возникает вопрос: почему эта попытка сделана после Вашего отбытия с земли грешной? Слабо было при жизни-то ахнуть! И надо же догадаться свой наскок на писателя-фронтовика совершить в преддверии 70-летия Победы?!

Да, воевали Вы, Геннадий Александрович, не в песенном ансамбле и не на бомбардировщиках летали... Вас призвали радистом на Кагульскую заставу, и Вы приняли свой первый бой на земле в первый же день войны. Разве докажешь, что настоящую судьбу, как и родителей, не выбирают.

Быть может, это открытое письмо (ровно год спустя после того гнусного выпада) в день 95-летия со дня Вашего рождения и накануне 75-летия начала Великой Отечественной войны станет неким утешением для Вас и Ваших соратников на небесах и ещё живых фронтовиков и любителей литературы на этом свете.

Ещё раз с днём рождения, Геннадий Александрович! Надеюсь, Вы слышите меня!

*С уважением – Ваш Сергей Квасов,
пограничник в мирные годы, вечный литератор-любитель.
28 февраля 2016 года*